

УДК 94(=470.5)''18/19''

Д. С. Бахарев

ЭТНИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX В.: КАРТОГРАФИЯ КОНТАКТНЫХ ЗОН

Статья посвящена реконструкции этнического ландшафта Пермской губернии в нач. XX в. Инструментальную базу работы составили методы этнорелигиозного ландшафта и кросс-культурной психологии, картографический и историко-статистический подходы. В качестве источников были использованы опубликованные статистические и картографические материалы к. XIX – нач. XX в. В процессе работы на основе сведений об этническом составе населения губернии были выделены четыре укрупненные этнические категории: манси, финно-пермяки (коми-пермяки, коми-зыряне, марийцы, удмурты), тюрки (башкиры, татары, мишари, тептяри) и русские. Затем сформированный массив данных был распределен до волостного уровня (482 административные единицы) и спроецирован на созданную в рамках исследования поволостную карту Пермской губ. Визуальный анализ полученной этнической карты позволил воссоздать пространственное размещение народов Среднего Урала в нач. XX в. на самом подробном уровне, выделить районы – вероятные очаги этнокультурного взаимодействия, оценить масштабы и характер межэтнического контакта. По итогам анализа можно заключить, что в пространственном выражении население Среднего Урала было гораздо более этнически гетерогенно, чем это демонстрировала формальная статистика: согласно переписи 1897 г., всё нерусское население Пермской губ. составляло менее 10 %; в то же время, волости с нерусским или смешанным населением в сумме составляли уже 20 %. Лишь два уезда Пермской губ. из двенадцати были исключительно русскими, остальные же – частью трех крупных кластеров межэтнического контакта: западного – преимущественно финно-пермяки и русские; южного – преимущественно тюрки, финно-пермяки и русские; и восточного – преимущественно манси, коми-пермяки и русские.

Ключевые слова: историческая антропология, этнодемография, история Урала, этнорелигиозный ландшафт, Пермская губ., к. XIX – нач. XX вв., народы Урала, русские, финно-угры, тюрки, этнические границы, этнокультурное взаимодействие, межэтнический контакт, этническое картографирование.

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-4-688-698

В XXI в. этническая принадлежность всё еще остается одним из главных элементов идентичности большинства россиян. Более того, в течение всего постсоветского периода исследователи фиксируют поступательный рост важности этнической идентичности для граждан [Рыжова 2018, 125]. В этих условиях чрезвычайно актуальными становятся ретроспективные исследования этнического развития территорий. Реконструируя эволюцию национального состава населения, мы можем понять причины текущей этнорелигиозной ситуации, а рационально используя знание об истории народов, населяющих край, – конвертировать его в этносоциальный потенциал региона [Кордонский и др. 2018, 107–108].

Наибольшей важностью эти аргументы обладают для территорий со сложным этническим составом. Среди российских регионов к таким можно по праву отнести Урал: в Средневековье

эта огромная историко-географическая область стала местом встречи европейских христиан – русских, уральских язычников – ненцев, манси, коми, удмуртов и марийцев, и тюркоязычных мусульман – башкир и татар [Мазур 2003, 21–22]. Такой насыщенный этнорелигиозный ландшафт наполнил историю региона примерами различных видов аккультурации, как конструктивной, так и деструктивной [о межэтнической аккультурации см.: Берри и др. 2007, 372–413]. Одним из главных был, пожалуй, процесс духовной и хозяйственно-бытовой аккультурации, охватывавший все народы Среднего Урала без исключения [Чагин 2012]. Однако уже ближе к Новейшему времени российская колонизация привела к безусловному доминированию русских: по переписи 1897 г. русский язык был родным для 90 % жителей Пермской губ. [Первая всеобщая ...]. Но, несмотря на это, культурное пространство региона оставалось далеким от этнической гомогенности, характерной для большинства губерний центральной России. Пермская губерния, выглядевшая в 1897 г. почти моноэтнической, оставалась таковой лишь в виде абстрактной статистической модели: в реальной жизни численное доминирование русских не равнялось культурной однородности населения региона. Представленная работа посвящена реконструкции пространственного распределения этносов Среднего Урала в нач. XX в. на самом подробном волостном административном уровне.

Теоретическую базу исследования составил концепт этнорелигиозного ландшафта. Эта теория, бурно развивавшаяся последние полвека, в наше время включает уже десятки узкоспециализированных подходов [Главацкая 2008; Filippucci 2016]. В данной работе, ориентированной на формальную этногеографию, под этническим ландшафтом предлагается понимать результат физического и культурного освоения географического пространства конкретным этносом. Освоенное таким образом место приобретает собственную субъектность, транслируя запечатленные в нем традиции соседям и новым поселенцам, оказывая в той или иной степени влияние на их жизнедеятельность, а, следовательно, и на формируемый ими культурный ландшафт. В этом отношении внимание к пространственному размещению статистически малозаметных этнических меньшинств (особенно коренных, для Урала – финно-угорских и тюркских) представляется крайне актуальным для понимания региональной исторической перспективы.

Техническая составляющая исследования включала формирование корпуса атрибутивных данных о поволостном этническом составе населения Пермской губ., создание поволостной векторной карты региона нужного периода и соотнесение количественных данных с визуальными. Для решения первой задачи были использованы результаты подворной переписи 1897–1900 гг., опубликованные в серии «Материалы к оценке земель Пермской губернии» [Материалы ... 1898–1906], и сведения волостных правлений за 1904 г., собранные и изданные Пермским губернским земством в издании «Список населенных мест Пермской губернии» за 1904 год [Список ... 1905]. Далее, для создания оригинальной карты мы использовали издание «Волости и гмины 1890 г.» для Пермской губ., подготовленное ЦСК МВД по данным Уездного по крестьянским делам присутствия [Волости ... 1890]. Непосредственное картографирование было выполнено с помощью программы NextGIS QGIS 19.3.0.

Картографирование

Исследователи не раз уделяли внимание изучению этнической карты Среднего Урала на рубеже XIX–XX вв. Однако большинство из них заметно отличались в методическом отношении, избирая в качестве аналитической единицы либо уезд [Чагин 2014, 28–31; Этнодемографическое развитие ... 2000, 20–31] – слишком крупную категорию, использование которой сильно упрощает этническое устройство территории; либо конкретно этнос [Остроумов 1891; Мазур 2007, 180–183], что затрудняет комплексный взгляд на этническое развитие территории; либо концентрировались на картографии процессуально-событийной составляющей истории конкретного этноса, т. е. не на присутствии народа, а на результате этого присутствия [Glavatskaya 2005]. Подход, предлагаемый автором в данной работе, предполагает сплошное обследование этнического состава населения всей губернии на самом нижнем уровне административно-территориального

деления – волостном, что обеспечит максимально возможный познавательный результат. Единственная схожая работа – это поволостная карта Пермской губ., составленная В. Г. Бояршиновым, где автор, однако, руководствовался экономическим и юридическим атрибутами; и, как результат, среди этнических групп им были отмечены лишь этносословия башкир и вогул [Бояршинов 2016].

Первым этапом создания карты стало составление таблицы атрибутивных данных, описывающих графические (векторные) объекты и таким образом позволяющие их дифференцировать. В полученную таблицу вошли 482 записи по числу волостей в Пермской губ. Для каждой из них были записаны идентификационный номер – поле *id* – и название на латинице (требование программы) – поле *district_name*.

После этого мы проанализировали этнический состав каждой волости. Приоритетным источником стала подворная перепись 1897–1900 гг. как более близкая к картографической основе 1890 г.; это обстоятельство немаловажно, так как административное деление губерний Российской империи на волостном уровне в разной степени менялось почти ежегодно, и, соответственно, долгий временной промежуток между датой создания картографической основы и набором атрибутивных данных значительно затрудняет процесс их совмещения. Однако сведения об этническом составе населения волостей, собранные в рамках переписи, были опубликованы далеко не для всех уездов, а именно лишь для пяти из двенадцати: Верхотурского, Екатеринбургского, Кунгурского, Оханского и Чердынского. По этой причине для исследования остальных уездов мы обратились к более позднему источнику – «Списку населенных мест Пермской губернии», созданному на основе сведений волостных правлений за 1904 г. (см. Табл. 1). К счастью, для самого реформированного в административном смысле уезда – Верхотурского – мы располагаем более ранними переписными данными, а для самого полиэтничного, т. е. самого сложного для воссоздания – Красноуфимского – почти не зафиксированы изменения в составе волостей с 1890 г. Это снизило погрешность, вызванную разными источниками и временным люфтом между датами их создания.

Таблица 1

Уезды Пермской губернии в к. XIX – нач. XX вв.

№ п/п	Уезд	Число волостей	Источник сведений об этническом составе
1	Верхотурский	40	Подворная перепись
2	Екатеринбургский	59	Подворная перепись
3	Ирбитский	30	Адм. статистика
4	Камышловский	32	Адм. статистика
5	Красноуфимский	44	Адм. статистика
6	Кунгурский	25	Подворная перепись
7	Осинский	40	Адм. статистика
8	Оханский	48	Подворная перепись
9	Пермский	45	Адм. статистика
10	Соликамский	49	Адм. статистика
11	Чердынский	22	Подворная перепись
12	Шадринский	48	Адм. статистика
Всего 482 волости, из них 194 (40 %) по подворной переписи, 288 (60 %) – по административной статистике			

Учитывая, что целью исследования был пространственный, а не статистический анализ, мы сознательно решили отказаться от традиционного исследования численности каждого народа

в волости, фиксируя вместо этого сам факт его присутствия. Согласно источникам, сельское население Среднего Урала включало представителей 10 народов, в число которых входили русские, коми-пермяки, коми-зыряне, марийцы (черемисы)¹, удмурты (вотяки), манси (вогулы), башкиры, татары, мишари (мещеряки) и тептяри.

Первой проблемой при работе с приведенной номенклатурой стала очевидная «скрытая» этничность. Земские статистики и волостные управленцы, вероятно, следуя традиции имперской этнографии, под категорией «русские» подразумевали «триединый русский народ» из непосредственно русских («великоросов»), украинцев («малоросов») и белорусов [На путях становления ... 2004, с. 19–37]. Между тем, представителей двух последних народов в 1897 г. в Пермской губ. зафиксировано 2 294 чел. [Первая всеобщая ... 1897]. За последующие 6 лет только по государственной переселенческой программе в Пермскую губ. въехали 3 937 чел. [Турчанинов 1910, 66]; учитывая, что одним из главных мест выхода для переселенцев на Средний Урал в последующий период 1906–1917 гг. были белорусские губ. [Семерикова 2012, 64], можно предположить, что из этих переселившихся ранее 4 000 значительная часть также была белорусами. Кроме того, в категорию общностей со скрытой этничностью можно отнести группу населения, влияние которой на историю Урала сложно переоценить – *старообрядцев*. Несмотря на то, что большинство из них были этнически русскими, за столетия религиозной изоляции у них сформировались уникальная культурная среда и идентичность, ставшие основанием для выделения целого ряда русских субэтносов [Бузин, Егоров 2008, 318–346]. В 1897 г. старообрядцы составили более 7 % населения Пермской губ. и представляли собой живое сообщество с собственной идентичностью, культурой и самоорганизацией [Белобородов, Боровик 2017, 107–112].

Другой проблемой стала этносословность: манси, башкиры и тептяри в Российской империи представляли собой сообщества, чья идентичность помимо языкового и этнокультурного компонента поддерживалась имперским законодательством. Это внесло определенную погрешность в нашу классификацию, с помощью которой предполагалось реконструировать многообразие региональной этничности.

Обе описанные проблемы, однако, не поддаются решению из-за отсутствия необходимых данных; на текущем этапе мы можем лишь принимать их во внимание и действовать с известной осторожностью.

Городское население, не рассматриваемое в данном исследовании, по переписи 1897 г. составляло меньше 6 % от всего населения губернии и почти на 95 % состояло из русских. Но, несмотря на столь малую долю меньшинств, было бы ошибкой считать городскую местность Среднего Урала более гомогенной в этническом отношении, чем сельскую. Городской компонент нерусского населения хоть и был значительно меньше, но зато имел гораздо более разнообразную палитру: кроме упомянутых нами народов, в городах проживали представители десятков различных национальностей. Кроме того, городская среда, во многом мигрантская и уже в это время значительно подверженная модернизации, была более готова к конструктивной аккультурации [см., например: Главацкая и др. 2019].

Номенклатура народов, приведенная в использованном источнике, из-за своего размера вызвала бы трудности с визуальным восприятием карты, поэтому мы сократили ее до четырех групп – манси, финно-пермяки (коми-пермяки, коми-зыряне, марийцы, удмурты)², тюрки (башкиры, татары, мишари, тептяри) и русские. При этом мы руководствовались максимально формальным языковым признаком, чтобы избежать сомнений и противоречий, которые неизбежно возникают при погружении в исторический контекст. Из финно-угорской языковой общности выделены манси как единственные на Среднем Урале *угры*, далекие от финно-пермских народов и в языковом плане (распад финно-угорской общности произошел на рубеже II–III тыс. до н. э.)

¹ В источнике приведены устаревшие в наше время названия, которые даны в скобках; далее в статье использованы только современные этнонимы.

² В данном случае речь не идет о каком-то языковом близком родстве или сходстве, а скорее об историко-географической близости «европейских финно-угров» [Напольских 1997, 35].

[Напольских 1997, 60], и в культурно-хозяйственном (в отличие от коми, марийцев и удмуртов, бывших земледельцами, манси сохраняли традиционное охотничье и рыболовческое хозяйство и связанный с ним образ жизни) [Напольских 1997, 73].

Всем четырем группам был присвоен код – *man*, *fin*, *tur* или *rus*, который определялся для каждой волости в зависимости от этнического состава ее населения. В том случае, если в волости проживали представители сразу нескольких народов, записывался комплексный код в порядке убывания численности этнических сообществ; например, «*tur, rus, fin*». Полученный для каждой волости код был внесен нами в поле *ethnic_composition* (см. Табл. 2).

Таблица 2

**Атрибуты этнической карты
Пермской губ. нач. XX в. по волостям (фрагмент)**

id	district_name	ethnic_composition
64	Lozvichskaya	man
132	Sarinskaya	tur
366	Arkhangel'skaya	fin
194	Nikol'skaya	rus
220	Belyankovskaya	tur, rus
245	Utinskaya	rus, fin, tur

Административная карта Пермской губ. была отрисована на основе справочника «Волости и гмины Российской империи» за 1890 г. Итоговый векторный слой проекта содержал 486 полигональных объекта: 481 волость, 2 части двухсоставной Карабольской волости Екатеринбургского уезда и 3 городских выгона – Екатеринбурга, Кунгура и Красноуфимска. Также для лучшего визуального восприятия были добавлены дополнительные слои, отражающие административные границы 12 уездов Пермской губ. и локации двух главных городов региона, Перми и Екатеринбурга.

При совмещении атрибутивных данных и карты каждая волость была окрашена в выбранный цвет в зависимости от преобладающего этноса, при полиэтничном составе населения была применена штриховка (см. Рис. 1).

Интерпретация

Визуальный анализ полученной карты позволил выделить три больших кластера межэтнического контакта: южный, охватывавший Осинский, Пермский, Кунгурский, Пермский, Красноуфимский, Екатеринбургский и Шадринский уезды, где проживали представители тюрков, финно-пермян (марийцы) и русских с минимальным представительством манси; западный, включавший территории Чердынского и Соликамского уездов, населенный преимущественно русскими и финно-пермяками (в данном случае представленными коми-пермяками) с минимальным числом тюркоязычных жителей; и восточный, охватывавший Верхотурский уезд и часть Чердынского, где были представлены главным образом манси, финно-пермяне (коми-пермяки) и русские с минимальным представительством тюрков (см. Рис. 2). Отдельные представители тюрков и манси обособленно проживали в Екатеринбургском и Ирбитском уездах.

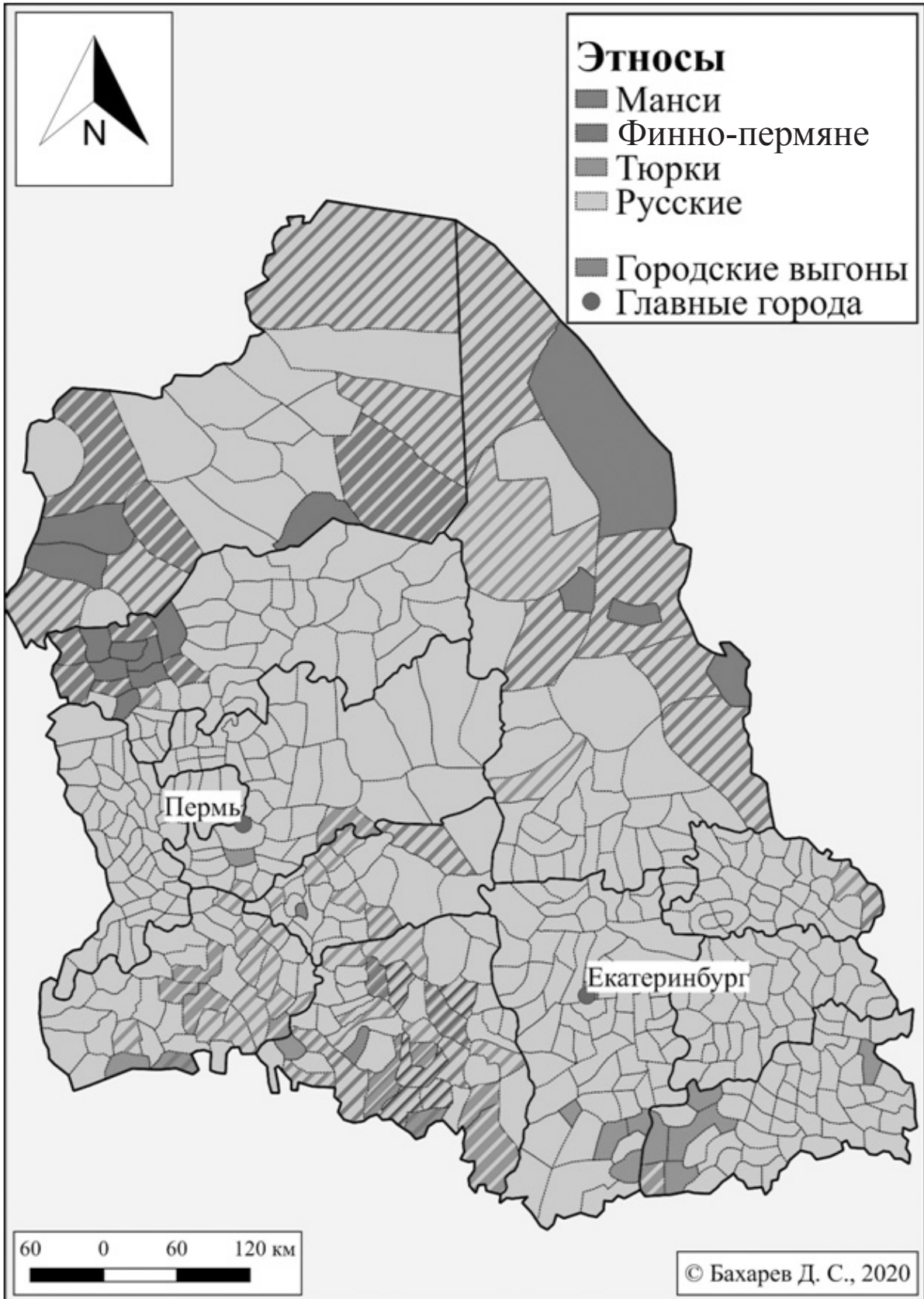

Рис. 1. Этническая карта Пермской губернии начала XX в.

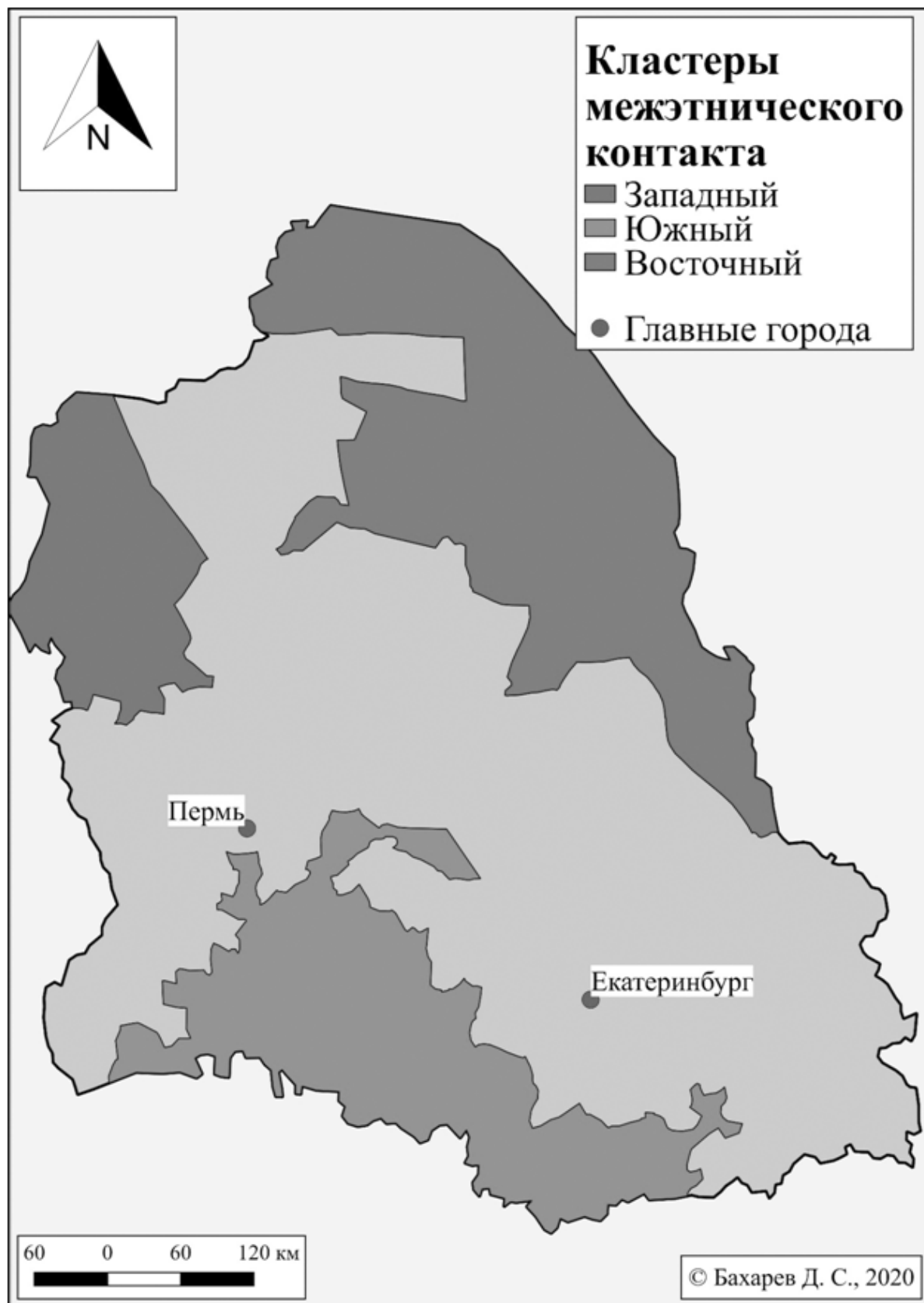

Рис. 2. Карта зон межэтнического контакта в Пермской губ. в нач. XX в.

Пространственный анализ этнического ландшафта региона позволил выделить три группы из 482 волостей:

- 1) полностью русские – 387 (80 %), в т. ч. пограничные с волостями со смешанным или полностью нерусским населением – 136 (28 %);
- 2) полностью нерусские – 27 (6 %);
- 3) со смешанным населением – 68 (14 %).

Таким образом, ландшафтный метод продемонстрировал гораздо более серьезные масштабы межэтнического контакта, чем историко-статистический анализ. Согласно переписи 1897 г., все нерусское население Пермской губ. составляло 288 985 чел., т. е. менее 10 %; в то же время, волости с нерусским или смешанным населением в сумме составляли уже 20 %.

Придерживаясь нашей гипотезы о влиянии «старого» культурного ландшафта на «новые», создаваемые поверх него или рядом с ним, интересно взглянуть на число волостей с полностью русским населением, пограничных с ино- или полиэтническими районами – около 28 %. Жители этих волостей, во-первых, даже без реального частого контакта с «инородческим» населением знали о его существовании и включали его в создаваемый уже ими ландшафт территории; во-вторых, волости часто были искусственными административными образованиями, реальные бытовые и экономические связи не всегда соответствовали их границам и могли способствовать еще более широким масштабам аккультурации.

Выводы

Выполненный анализ этнического ландшафта Пермской губ. нач. XX в. позволяет сделать интересное заключение касательно истории народов Среднего Урала. Вероятно, финно-угорские и тюркские соседи и их влияние присутствовали в жизни жителей Пермской губ. гораздо шире, чем это можно было бы предположить, исходя лишь из статистических данных – доля волостей с полностью или частично нерусским населением составила 20 %. Полностью русскими являлись лишь два из 12 уездов Пермской губ.: Оханский и Камышловский; достаточно близко к этому уровню находился также Ирбитский уезд. Но даже в их случаях нельзя сбрасывать со счетов скрытую иноэтничность – переселенцев из украинских и белорусских губерний и многочисленных уральских старообрядцев, имперской статистикой записывавшихся как русские. Остальные же уезды были частью трех выделенных нами кластеров межэтнического контакта: южного, западного и восточного. Этнический портрет каждого из уездов варьировался от преимущественно русского региона с немногочисленными «инородческими» анклавами (Пермский уезд) до настоящего «уральского Вавилона» (Красноуфимский уезд).

ИСТОЧНИКИ

Волости и гмины 1890 г. Т. 31. Пермская губ. – СПб.: ЦСК МВД, – 1890. [2], 28, [1] с.

Материалы к оценке земель Пермской губ. Т. 1: Оханский уезд. Пермь: Тип. губ. зем. упр., 1898. II, IV, IV – 216, 181, 387 с.

Материалы к оценке земель Пермской губ. Т. 2: Кунгурский уезд. Пермь: Тип. губ. зем. упр., 1900. III, II – 414, 301 с.

Материалы к оценке земель Пермской губ. Т. 3, вып. 1: Чердынский уезд. Пермь: Тип. губ. зем. упр., 1901. III, III – 287, 201 с.

Материалы к оценке земель Пермской губ. Т. 4, вып. 2: Екатеринбургский уезд. Свод экономических данных подворной переписи. Пермь: Тип. губ. земск. упр., 1902. I–IV – 207, 237 с.

Материалы к оценке земель Пермской губ.: Т. 8, вып. 2: Верхотурский уезд. Свод экономических данных подворной переписи. Пермь: Электро-тип. губ. зем. упр., 1906. [4] – 437 с.

Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Распределение населения по родному языку, губерниям и областям // Демоскоп Weekly. Приложение. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php?reg=0 (дата обращения: 07.04.2020).

Список населенных мест Пермской губ. Пермь: Тип. Перм. губ. зем. упр., 1905. VIII – 526 с.
Турчанинов Н. В. Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 гг. (включительно). – СПб.: 1910. [2], VIII – 85 с.

ЛИТЕРАТУРА

Белобородов С. А., Боровик Ю. В. Староверы горнозаводского Урала: страницы истории согласия беглопоповцев/часовенных XVIII – начала XX в.: монография. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. 380 с.

Берри Дж., Пуртинга А. Х., Сигалл М. Х., Дасен П. Р. Кросс-культурная психология. Исследования и применение. Харьков: Гуманитарный центр, 2007. 560 с.

Бояршинов В. Г. Карта волостей Пермской губернии // Сайт Бояршинова Виталия Георгиевича. URL: https://vitaboyarsh.ru/moi_proekty/genealogicheskie_issledovaniya/karta_volostej_permskoj_gubernii.html (дата обращения: 15.04.2020).

Бузин В. С., Егоров С. Б. Субэтнос русских: проблемы выделения и классификации // Малые этнические и этнографические группы: Сб. статей, посвященный 80-летию со дня рождения проф. Р. Ф. Итса / Под ред. В. А. Козьмина («Историческая этнография», т. 3). СПб.: Новая Альтернативная Полиграфия, 2008. С. 308–346.

Главацкая Е. М. Религиозный ландшафт Урала: феномен, проблемы реконструкции, методы исследования // Уральский исторический вестник. 2008. № 4 (21). С. 76–82.

Главацкая Е. М., Бахарев Д. С., Бобицкий А. В. Этнорелигиозные меньшинства Екатеринбурга в конце XIX века // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2019. № 2 (45). С. 33–43.

Кордонский С. Г., Чернов М. И., Моляренко О. А., Плюснин Ю. М. Этносоциальный потенциал территории: особый случай Еврейской автономной области // Идеи и идеалы. 2018. Т. 1. № 4. С. 105–135.

Мазур Л. Н. Народы Среднего Урала в структуре сельского расселения (XX в.) // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2007. Т. 49. № 13. С. 180–196.

Мазур Л. Н. Села и деревни Среднего Урала в XX веке: Статистико-этнографическое описание. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. 160 с.

Напольских В. В. Введение в историческую уралоистику. Ижевск: [б. и.], 1997. 257 с.

На путях становления украинской и белорусской нации: факторы, механизмы, соотношения / под ред. Л. Е. Горизонтова. М.: ООО "Стратегия", 2004, 255 с.

Остроумов И. Г. Объяснительная записка к Этнографической карте Пермской губернии, составленной И. Г. Остроумовым в 1891 году. Екатеринбург: Типография «Екатеринбургской Неделе», 1891. 16 с.

Рыжова С. В. Глава 6. Содержание и динамика этнической идентичности в России // Этническое и религиозное многообразие России. Изд. 2-е, испр. и доп. / под ред. В. А. Тишкова, В. В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 119–135.

Семерикова О. М. Переселенческая деятельность государства в области миграции крестьян Европейской России (Вятская и Пермская губерния, 1906–1917) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2012. Т. 105. № 3. С. 62–71.

Чагин Г. Н. Народы и культуры Урала в XIX–XXI вв. Екатеринбург: Сократ, 2014. 320 с.

Чагин Г. Н. Пограничные ситуации межэтнических взаимоотношений народов Среднего Урала в XIX – начале XXI вв. // Ежегодник финно-угорских исследований. 2012. № 2. С. 42–47.

Этнодемографическое развитие Урала в XIX–XX вв. (историко-социологический подход) / под ред. В. В. Алексеева. Екатеринбург: изд. «Екатеринбург», 2000. 104 с.

Filippucci P. Landscape // The Cambridge Encyclopedia of Anthropology. URL: <http://doi.org/10.29164/16landscape> (дата обращения: 01.05.2020).

Glavatskaya E. Indigenous peoples of the North Western Siberia: Ethnohistorical mapping // Proceedings of the XVI international conference of the Association for History and Computing. Amsterdam: Royal Netherlands Academy of Arts and Sciences, 2005. P. 126–130.

Поступила в редакцию 17.09.2020

Бахарев Дмитрий Сергеевич,
научный сотрудник,
Институт истории и археологии УрО РАН
620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. Ковалевской, 16
E-mail: dmitry.s.bakharev@gmail.ru;
младший научный сотрудник,
ФГБОУ ВО «Уральский федеральный университет»
620083, Россия, Екатеринбург, ул. Ленина, 51
E-mail: dmitry.bakharev@urfu.ru

D. Bakharev

**PERM' PROVINCE ETHNIC LANDSCAPE IN THE EARLY 20TH CENTURY:
MAPPING INTER-ETHNIC CLUSTERS**

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-4-688-698

This article aims to reconstruct the ethnic landscape in early 20th century Perm' province. The methods used by the author were cultural landscape studies, cross-cultural psychology, cartography and historical statistical analysis. The sources were mainly published statistics and maps from the late 19th to the early 20th centuries. The author analyzed the province's ethnic makeup and proposed four wide ethnic groups – Russians, Finno-Permians, Turks and Mansi. This general dataset was decomposed by 482 districts (volost', the smallest contemporary administrative unit) and was connected with the administrative province map. The visual analysis of this ethnic map enabled the reconstruction of spatial distribution of the peoples of the Middle Urals in the early 20th century, uncovered inter-cultural communication zones, and described the size and character of inter-ethnic contacts. We can conclude that Perm' province was more ethnically heterogeneous than is shown by published aggregates. According to the 1897 census, the non-Russian population in the province totaled less than 10%. At the same time the districts with fully or partly non-Russian population made up 18,5%. Only two counties out of twelve in Perm' province were homogeneously ethnic Russian. Others were parts of three big inter-ethnic clusters – western (mainly Finno-Permians and Russians), southern (mainly Russians, Turks and Finno-Permians) and eastern (mainly Russians and Mansi) or had non-Russian enclaves inside themselves.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2020, vol. 14, issue 4, pp. 688–698. In Russian.

REFERENCES

- Alekseev V. V.** (Ed.). *Etnodemograficheskoe razvitie Urala v XIX–XX vv.* (istoriko-sotsiologicheskii podkhod) [Ethno-demographic development of the Urals in the 19–20 centuries]. Ekaterinburg, izd. «Ekaterinburg», 2000. 104 p. In Russian.
- Beloborodov S. A., Borovik Yu. V.** *Starovery gornozavodskogo Urala: stranitsy istorii soglasiya beglopopovtsev/chasovennykh XVIII – nachala XX v.: monografiya* [Old Believers of the mining Urals: pages of the history of the consent of Beglopopovtsy / Chasovennye of the 18th – early 20th centuries]. Ekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta, 2017. 380 p. In Russian.
- Berry J. W., Poortinga Y. H., Segall M. H., Dasen P. R.** *Kross-kul'turnaya psikhologiya. Issledovaniya i primeneniye* [Cross-cultural psychology. Research and applications]. Khar'kov, Gumanitarnyi tsentr, 2007. 560 p. In Russian.
- Boyarshinov V. G.** Karta volostei Permskoi gubernii [Map of Perm' province's districts]. *Sait Boyarshinova Vitaliya Georgievicha* [Website of V. G. Boyarshinov]. URL: https://vitaboyarsh.ru/moi_proekty/genealogicheskie_issledovaniya/karta_volostej_permskoj_gubernii.html (accessed 15 April 2020). In Russian.
- Buzin V. S., Egorov S. B.** Subetnosy russkikh: problemy vydeleniya i klassifikatsii [Russian sub-ethnic groups: issues of differentiation and classification]. *Malye etnicheskie i etnograficheskie gruppy: Sb. statei* [Small ethnic and ethnographic groups: collected papers]. Saint Petersburg, Novaya Al'ternativnaya Poligrafia, 2008, pp. 308–346. In Russian.
- Chagin G. N.** *Narody i kul'tury Urala v XIX–XXI vv.* [Peoples and cultures of the Urals in 19th–21st centuries]. Ekaterinburg, Sokrat, 2014. 320 p. In Russian.
- Chagin G. N.** Pogranichnye situatsii mezhetnicheskikh vzaimootnoshenii narodov Srednego Urala

v XIX – nachale XXI vv. [The frontier situations of the peoples' interethnic relations of the Middle Ural in XIX – beginning of XX century]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanii* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2012, no. 2, pp. 42–47. In Russian.

Filippucci P. Landscape. *The Cambridge Encyclopedia of Anthropology*, 2016. URL: <http://doi.org/10.29164/16landscape> (01 May 2020). In English.

Glavatskaya E. Indigenous peoples of the North Western Siberia: Ethnohistorical mapping. *Proceedings of the XVI international conference of the Association for History and Computing*. Amsterdam, Royal Netherlands Academy of Arts and Sciences, 2005, pp. 126–130. In English.

Glavatskaya E. M. Religioznyi landshaft Urala: fenomen, problemy rekonstruktsii, metody issledovaniya [Religious landscape of the Urals: phenomenon, reconstruction, methodology]. *Ural'skii istoricheskii vestnik* [Ural historical journal], 2008, no. 4 (21), pp. 76–82. In Russian.

Glavatskaya E. M., Bakharev D. S., Bobitskii A. V. Etnoreligioznye men'shinstva Ekaterinburga v kontse XIX veka [Ethno-religious minorities in the late 19th century Yekaterinburg]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya* [Perm university herald. History], 2019, no. 2 (45), pp. 33–43. In Russian.

Gorizontov L. E. (Ed.). *Na putyakh stanovleniya ukrainskoi i belorusskoi natsii: faktory, mekhanizmy, sootneseniya* [How were the Ukrainian and Belorussian nations established? A comparison of background factors and developments]. Moscow, «Strategiya», 2004. 255 p. In Russian.

Kordonskii S. G., Chernov M. I., Molyarenko O. A., Plyusnin Yu. M. Etnosotsial'nyi potentsial territorii: osobyi sluchai Evreiskoi avtonomnoi oblasti [Ethno-social potential of the territory: a special case of the Jewish Autonomous Region]. *Idei i idealy* [Ideas and Ideals], 2018, vol. 1, no. 4, pp. 105–135. In Russian.

Mazur L. N. Narody Srednego Urala v strukture sel'skogo rasseleniya (XX v.) [Ethnic settlement dispersion in the 20th century rural Middle Urals]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2, Gumanitarnye nauki* [Izvestia. Ural State University Journal. Series 2. Humanities and Arts], 2007, vol. 49, no. 13, pp. 180–196. In Russian.

Mazur L. N. *Sela i derevni Srednego Urala v XX veke: Statistiko-etnograficheskoe opisanie* [Villages and hamlets in the 20th century Middle Urals: statistical and ethnographical description]. Ekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta, 2003. 160 p. In Russian.

Napol'skikh V. V. *Vvedenie v istoricheskuyu uralistiku* [Introduction to historical uralistics]. Izhevsk, 1997. 257 p. In Russian.

Ostroumov I. G. *Ob"yasnitel'naya zapiska k Etnograficheskoi karte Permskoi gubernii, sostavlennoi I. G. Ostroumovym v 1891 godu* [Notes to the Perm' province ethnographic map by I. G. Ostroumov 1891]. Ekaterinburg, Tipografiya «Ekaterinburgskoi Nedeli», 1891. 16 p. In Russian.

Ryzhova S. V. Glava 6. Soderzhanie i dinamika etnicheskoi identichnosti v Rossii [Chapter 6. Subject and evolution of ethnic identity in Russia]. *Etnicheskoe i religioznoe mnogoobrazie Rossii. Izd. 2-e, ispr. i dop.* [Ethnic and religious diversity of Russia. 2nd edition, revised and enlarged], Moscow, IEA RAN, 2018, pp. 119–135. In Russian.

Semerikova O. M. Pereselencheskaya deyatelnost' gosudarstva v oblasti migratsii krest'yan Evropeiskoi Rossii (Vyatskaya i Permskaya guberniya, 1906–1917) [State resettlement policy and peasant migration from European Russian to Vyatka and Perm' provinces 1906–1917]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2, Gumanitarnye nauki* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts], 2012, vol. 105, no. 3, pp. 62–71. In Russian.

Received 17.09.2020

Bakharev Dmitry Sergeevich,

1) Research Fellow, Laboratory for Interdisciplinary Humanitarian Research,
Institute of History and Archeology UB of the RAS,
Kovalevskoy St., 16, Ekaterinburg, 620083, Russia
E-mail: dmitry.s.bakharev@gmail.com

2) Junior Research Fellow, International Demographic Unit,
Ural Federal University
Lenina Ave., 51, Ekaterinburg, 620083, Russia
Email: dmitry.bakharev@urfu.ru